



A movie poster for the film "Приворот и порча" (Love Spell and Curse). The central figure is a woman with long, wavy brown hair and light-colored eyes, resting her chin on her hand. She wears a red ring and a necklace with a circular pendant. To her left, a man with a beard and dark hair is partially visible, wearing a dark jacket. In the background, a woman with long red hair is seen in a dimly lit, fiery environment. The foreground is filled with various objects: an open book with handwritten text, a quill pen, a lit candle in a metal holder, and several tarot cards. A small, dark house with glowing windows is visible in the background on the left. The title "ПРИВОРОТ" is written in large, red, dripping letters, and "и ПОРЧА" is written in white, dripping letters below it.

ПРИВОРОТ и ПОРЧА

АНАСТАСИЯ ВЕЖИНА

Анастасия Вежина

Приворот и Порча

<https://litres.ru/73791231>

SelfPub; 2026

Аннотация

Восемь месяцев комы забрали у Татьяны всё. Очнувшись, успешный московский врач-терапевт узнает, что за это время муж успел оформить развод, продать свою квартиру, опустошить их общие счета и уйти к другой.

Оставшись ни с чем, Татьяна уезжает в Барнаул, в старый дом покойной бабушки-ведуньи, чтобы собрать жизнь заново. Но странности начинаются еще в больнице: после клинической смерти в Татьяне просыпается пугающий дар, позволяющий видеть чужие тайны через одно прикосновение.

Найденные бабушкины дневники помогают ей понять пугающую правду: та роковая авария не была случайностью. Как и внезапное предательство мужа. Кто-то методично и безжалостно разрушал ее жизнь, и этот враг до сих пор совсем рядом.

Чтобы добиться справедливости, Татьяне придется объединиться с Дмитрием резким, циничным неврологом из местной поликлиники. Он доверяет только фактам и на дух не переносит мистику. Но почему-то именно этот закоренелый скептик становится ее главной опорой в игре, где на кону стоит её жизнь.

Содержание

Глава 1. Тёмная вода	4
Глава 2. Восемь месяцев спустя	16
Глава 3. Ничья	25
Глава 4. Дом на краю	38
Глава 5. Тетрадь мёртвой ведуньи	50
Глава 6. Первая клиентка	60
Глава 7. Скептик	70
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Приворот и Порча

Глава 1. Тёмная вода

Сначала был свет.

Не тот мягкий свет, который в книгах обещает умирающему покой, — тёплый, манящий, с силуэтами родных вдали. Этот был белым и жёстким, как вспышка в темноте. Он бил сквозь закрытые веки, и Татьяна отвернулась бы, если бы помнила, как поворачивают голову.

Она не знала.

До этого было другое.

Долго — или совсем недолго, там время не считалось — она существовала в воде. Вода не была ни холодной, ни тёплой: густая, тёмная, без дна и поверхности. В ней было до странности правильно, словно место заранее сделали по её мерке. Ни боли. Ни голосов. Ни решений.

Иногда сквозь воду доходили звуки.

Писк — монотонный, аппаратный. Чьи-то шаги — резкие, каблучные, потом мягкие, больничные. Голос: «Татьяна Александровна, сожмите мою руку, пожалуйста» — и она каждый раз пыталась, честно пыталась, но рука не слышала её, и голос уходил, и вода смыкалась снова.

Иногда приходила бабушка.

Она не говорила ничего важного, только сидела рядом. От

неё пахло сухими травами, воском и смолой. Этот запах возвращал детство: больное горло, чабрец с мятой и бабушкину ладонь на лбу — сухую, тёплую, твёрдую, ладонь человека, который знает, что делает.

Однажды бабушка сказала: Пора просыпаться, Танюша.

Татьяна не хотела.

За водой её не ждало ничего хорошего. Там оставалось то, от чего она ушла. Татьяна не помнила событий, но тело помнило боль и выбирало воду.

Но бабушка снова: Танюша. Пора.

В этот раз в безвоздушном пространстве мелькнул красный отсвет — свеча за сомкнутыми пальцами. Потом проступили карты на деревянном столе: тёмные рубашки, стёртые края, бабушкины руки. Они двигались не спеша, будто читали уже написанное.

И потом — фары.

Два белых глаза ударили в лицо. Скрежет вошёл в кости, перестав быть звуком. Татьяна попыталась закричать — и вынырнула.

Потолок был белый.

Она ещё не понимала, что это потолок. Белая матовая плоскость, тонкая трещина у плинтуса: вышла из угла и оборвалась на полпути. Татьяна проследила её взглядом. Трещина никуда не вела.

Потом она поняла, что дышит.

Осознать дыхание как отдельный факт оказалось странно.

Воздух с усилием продирался в лёгкие, будто через вату, и отдавал хлоркой, пластиком, чужим помещением.

Она попробовала моргнуть.

Веки послушались с задержкой. Свет резанул, Татьяна снова зажмурилась, переждала и открыла глаза осторожнее. Потолок оставался на месте. Трещина тоже.

Справа размеренно пищал аппарат.

Она попробовала повернуть голову. Шея отозвалась тупой, залежавшейся болью. Рядом стояла капельница; трубка уходила к игле в сгибе локтя. Татьяна долго рассматривала белый пластырь и тонкую синюю вену под ним.

Капля в прозрачной трубке медленно дошла до соединения и исчезла. Татьяна следила за ней, пока глаза не устали. В теле обнаруживались новые точки: жжение под пластырем, сухость губ, тяжесть одеяла на стопах. Каждое ощущение подтверждало, что тело существует отдельно от её воли и всё же принадлежит ей.

Рука была чужой.

Логически она знала: рука её. Но выглядела она чужой — слишком худой, бледной, с кожей, натянутой поверх костей и синей вены.

«Моя рука», — сказала она себе. Горло ответило сухим скребущим звуком, как давно не смазанная дверь.

Она попробовала ещё раз.

— Э, — получилось у неё.

Татьяна остановилась.

Потом снова.

— Э-э.

Голос не принадлежал ей. Вернее, принадлежал, но был высушен, стёрт до одного хриплого контура.

Она лежала и смотрела в потолок.

Слух возвращался быстрее остального. За дверью прошли мягкие больничные шаги, остановились; следом — другие, быстрые, деловые. Вдали переговаривались люди. Радио или телевизор бубнил про погоду.

Татьяна попробовала согнуть пальцы.

Указательный палец послушался сразу, средний — с задержкой, остальные пришлось собирать в движение усилием. Сигнал доходил до них будто по повреждённому проводу.

Она повторила движение ещё несколько раз, не ради результата, а ради последовательности. Согнуть. Удержать. Разжать. Мизинец запаздывал, большой палец дрожал, но команда проходила. Врачебная часть сознания уже составляла карту повреждений; пациентка внутри этой карты пока только терпела.

Она сжала руку в кулак. Разжала.

Сжала снова.

Есть.

Дверь открылась без стука.

Вошла крепкая женщина в голубом халате, с подносом в руках. Она поправляла на нём упаковки и не смотрела на

кровать. Потом подняла глаза.

Поднос упал.

Металл о линолеум — оглушительно, в этой тишине особенно. Стакан покатился под кровать. Шприц в упаковке остался лежать посередине пола.

Медсестра стояла и смотрела на Татьяну.

Татьяна смотрела на неё.

— Господи, — выдохнула медсестра. — Господи ты боже мой.

Она почти выбежала. Уже из коридора донёсся её сорванный голос: — Восемь месяцев... Она открыла глаза. Сергея Леонидовича позовите, быстро!

Татьяна смотрела в потолок.

Восемь месяцев.

Цифра не помещалась в голове. Восемь месяцев — май, июнь, июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь. Сейчас январь. Она перебирала месяцы мысленно, сбивалась и начинала снова.

Май.

Авария была в мае. Это знание сохранилось, как сохраняется факт из жизни до долгого сна: сам момент расплылся, а дата осталась. Май, фары, скрежет. Перед фарами было ещё нечто — причина или предупреждение, — но оно ускользало.

Татьяна не стала тянуться следом.

Их пришло трое.

Их пришло трое. Впереди — высокий врач в очках, с папкой перед грудью. По точным, экономным движениям рук Татьяна определила: невролог. За ним медсестра постарше с блокнотом и молодой ординатор, замерший у двери с выражением человека, которому неловко присутствовать при чуде.

— Татьяна Александровна, — сказал врач. Профессиональный голос удерживал порядок, но облегчение всё же прорвалось. — Меня зовут Сергей Леонидович. Я ваш лечащий врач. Вы меня слышите?

Она попробовала кивнуть. Шея снова отозвалась болью.

— Хорошо. Не двигайтесь пока. Просто моргните, если слышите.

Она моргнула.

— Отлично. — Он сел рядом, взял её за запястье — профессионально, спокойно. — Вы помните, как вас зовут?

Татьяна Александровна Соколова. Тридцать пять лет. Терапевт, поликлиника номер восемь, Москва, Нагатинская набережная. Данные лежали в памяти чётко, как таблица умножения. Горло пока не пропускало их наружу.

— Не торопитесь с речью, — сказал он сразу. — Это нормально. Мышцы восстановятся.

«Нормально». Татьяна попыталась усмехнуться, но лицо едва отозвалось.

Он продолжил осмотр: сжать руку, поднять палец, проследить глазами влево и вправо. Она выполняла команды мед-

ленно. Тело знало, что требуется, но каждое движение приходилось заново проводить до мышц. Фонарик ударил в глаза; Татьяна зажмурилась, врач сделал пометку.

Сергей Леонидович проверил чувствительность по обеим сторонам лица, попросил проследить за пальцем, показал два предмета и спросил, различает ли она их. Татьяна моргала в ответ, злилась на невозможность говорить и одновременно отмечала: зрачки реагируют симметрично, понимание речи сохранено, память о себе есть. Эти маленькие факты удерживали лучше любых обещаний.

Медсестра взяла кровь. Игла вошла в уже привычную точку — видимо, брали часто.

— Хорошо, — повторял врач, сверяя показания с листом.
— Очень хорошо.

Он убеждал в этом и её, и себя.

Когда все трое ушли, пошептавшись у двери, палата снова стала больничной.

Аппаратура пищала, за окном гудела вентиляция или машины, в коридоре непрерывно ходили. На фоне недавней суеты этот постоянный шум почти заменял тишину.

Через несколько минут вошла та самая медсестра, собрала упавший поднос и, не поднимая глаз, поставила рядом влажную губку для губ. Её руки всё ещё слегка дрожали. Татьяна хотела сказать, что не виновата в испуге, но смогла только коснуться губами воды. Медсестра поняла без слов и осторожно улыбнулась.

Татьяна смотрела в окно.

Окно было сбоку, она видела его краем глаза — серое, зимнее, с полосой неба вверху. Небо было такое же серое, как окно, как стены, как всё здесь. Январское небо над Москвой — она знала этот цвет, ни с чем не перепутаешь.

Январь.

Она пропустила лето — всё целиком. Потом осень, своё тридцатипятилетие в сентябре, Новый год. Месяцы прошли рядом с её кроватью, пока она не знала ни одного из них.

Татьяна искала в себе горе или злость.

Нашлось только отстранённое любопытство.

Так врач разглядывает снимок и отмечает патологию, ещё не зная, что снимок его собственный.

Восемь месяцев.

Кто платил за палату? Кто приходил? Где Саша?

В памяти всплыло, как Александр ставил чашку на край раковины, хотя она просила не оставлять там посуду. Как быстро отвечал на рабочие звонки и как долго выбирал слова дома. Бытовые детали были целы, а чувство рядом с ними — нет. Это несоответствие беспокоило сильнее, чем отсутствие воспоминаний об аварии.

Мысль о муже возникла по привычке. Саша, конечно, волновался. Наверное, приходил, сидел на этом стуле, держал её за руку.

Рука лежала на одеяле.

Татьяна смотрела на неё.

Но рука, лежавшая поверх одеяла и будто приготовленная для чужой ладони, выглядела неправильно. Не сама рука — ожидание.

Объяснение было рядом, но ускользало. Гнаться не осталось сил: тело налилось тяжестью и потребовало обычного сна — не тёмной воды, а сна с утром после него.

Татьяна закрыла глаза.

Второй раз она проснулась от голоса.

— ...стабильная, все показатели в пределах нормы, с учётом обстоятельств...

Врач говорил за дверью — она слышала его через щель, дверь была прикрыта, но не плотно. Второй голос она не знала. Женский, быстрый, деловой.

— Когда можно будет с ней поговорить?

— Не раньше завтра. Ей сейчас нужен покой. Нервная система...

— Я понимаю нервную систему. Мне нужно знать, когда.

— Завтра, — повторил врач. Твёрдо. — Не раньше.

За дверью на несколько секунд стихли голоса. Потом кабинки удалились по коридору.

Татьяна лежала в полутьме. За окном потемнело — значит, она спала несколько часов. Аппаратура пищала. Капельница капала.

Она не увидела посетительницу и не знала, кто приходил.

В полутьме она проверила дату на электронных часах, потом попросила глазами включить свет над тумбочкой. Мед-

сестра поняла не сразу, поднесла календарь ближе. Январь был напечатан крупно и буднично. Татьяна провела пальцем по числу, будто так могла измерить пропавшее время.

«Успеется», — подумала Татьяна. «Никуда не денется».

На доске у поста меняли дату и фамилию дежурного врача. Татьяна читала буквы по одной, проверяя, не расплываются ли строки. Затем попросила поднять изголовье: в положении полусидя дыхание стало свободнее, но через минуту закружилась голова. Медсестра опустила кровать, отметила реакцию и велела не торопиться. Для первого утра даже сидеть было отдельной нагрузкой.

Фраза насторожила. Почему именно так? Саша всегда был рядом, всегда приезжал. Откуда взялось это странное «никуда»?

Ответ распался прежде, чем оформился.

После восьми месяцев мозг имел право путать привычки, время и людей. Сергей Леонидович называл это нормальным этапом восстановления.

Татьяна прекратила разбирать мысль.

Тело сразу провалилось в сон.

Ночью приснилась бабушка.

На этот раз баба Матрёна была настоящей — маленькой, быстрой, с руками, пахнущими травой. Она сидела за рассохшимся дубовым столом, за которым Татьяна делала уроки, и писала. Скрипела ручка — или перо; во сне различить не удавалось.

— Бабушка, — сказала она.

Баба Матрёна подняла голову и посмотрела не по-бабушкиному мягко, а пристально, будто времени оставалось мало.

— Всё записано, Танюша, — сказала она. — Ищи.

— Что искать? — спросила Татьяна.

Но бабушка уже смотрела в свои бумаги. Перо скрипело.

Бабушка снова склонилась к бумаге. Татьяна ждала, пока не поняла: других слов не будет. Проснулась с острым, собренным чувством — тревога ещё не успела получить имя.

За окном серое утро становилось светлее.

Сон оставил запах трав настолько отчётливым, что больничная хлорка на секунду отступила. Татьяна подняла руку к лицу, ожидая найти на пальцах воск или пыль от старого стола. Пальцы пахли только антисептиком. Разочарование оказалось первым чувством, которое она узнала без усилия.

Всё записано. Ищи.

Бабушка умерла шесть лет назад. Татьяна не успела на похороны: они с Сашей были в Греции, и после звонка она плакала в ванной гостиничного номера, пока он спрашивал из-за двери, выйдет ли она к завтраку. В Барнаул Татьяна приехала через месяц — оформить документы и продать дом. Продать не смогла.

Дом остался стоять с бабушкиными вещами и соседкой, которая за ним присматривала.

Татьяна отвернулась от окна.

Нужно было позвонить Саше. Впрочем, больница навер-

няка уже связалась с родственниками. Он узнает, придет — и тогда станет ясно, почему мысль о нём отдаётся пустотой вместо облегчения.

Она попробовала снова сжать пальцы. Все пять — медленно, но послушались.

Хорошо.

Она жива.

Восемь месяцев закончились, тёмная вода отпустила её. Радость пока не приходила, но пальцы слушались — этого хватало для первого утра.

За дверью начался больничный день: белый свет, шаги, равнодушно точный распорядок. Татьяна снова нашла взглядом трещину на потолке.

Смена начиналась одинаково для всех: тележка с бельём, звон посуды, короткие переговоры у поста. Но сегодня в этот порядок добавилась она — открывшая глаза, способная сжать ладонь и удержать взгляд. Для персонала это было событием; для Татьяны — задачей на ближайшие десять минут: не заснуть до следующего осмотра.

Она ждала — врача, Сашу, следующего воспоминания.

И слов бабушки, которым ещё предстояло обрести смысл.

Пока трещина по-прежнему обрывалась на полпути.

Глава 2. Восемь месяцев спустя

На второй день она научилась говорить.

Говорить — слишком сильное слово. Она выдавала звуки, похожие на слова. Горло болело, голос оказался сухим, низким и чужим; Сергей Леонидович обещал, что хрипота уйдёт через неделю-другую. Татьяна кивала, слушала и забывала.

Врачом она оставалась и в больничной койке. Возможно, здесь это было особенно заметно.

Логопед пришла в десять — молодая, негромкая, с карточками и терпением. Татьяна добросовестно повторяла: «ма», «па», «да». Язык промахивался, слово рассыпалось на середине, и сравнение с ребёнком возникало само, сколько бы она его ни отгоняла.

Логопед просила не увеличивать громкость, а экономить воздух: короткий вдох, одно слово, отдых. После пяти минут у Татьяны дрожала нижняя челюсть, словно после долгого разговора. Она фиксировала усталость по шкале и каждый раз требовала ещё одну попытку. Молодая женщина не спорила, только передвигала карточку ближе.

Мышцы. Координация. Это можно восстановить.

Потом пришла Наташа.

Наташа Соловьёва работала в той же поликлинике: другой этаж, другой кабинет, но общая столовая, перекуры у чёрно-

го хода и усталые разговоры после смены. Близкими подругами они не были. Скорее — своими людьми, которым не нужно объяснять, отчего к вечеру звенит голова.

Наташа вошла с пакетом, в котором звякнуло стекло. Поставила его на тумбочку без разрешения, села, не снимая куртки, и посмотрела на Татьяну.

— Ну, — сказала она. — Привет.

— Привет, — ответила Татьяна. Слово вышло правильным. Почти.

Наташа достала банку домашнего компота и придвинула к казённому стакану, словно сначала требовалось устроить на месте хоть одну нормальную вещь.

— Как ты? — спросила она.

— Нормально.

— Врёшь.

— Немного, — согласилась Татьяна.

За окном висел мелкий московский снег. Наташа сидела слишком прямо, ладони прижала к коленям. Пришла она не провести и не принести компот; новость уже стояла между ними.

Теперь Татьяна узнала и вчерашний деловой голос за дверью. Сквозь больничную щель он казался чужим, почти официальным.

— Таня, тебе надо кое-что знать. Лучше от меня, чем случайно.

— Говори.

Наташа провела большим пальцем по шву на джинсах и только потом заговорила.

— Александр подал на развод в сентябре. Через четыре месяца после аварии. В ноябре суд всё оформил; там был адвокат и назначенный представитель, бумаги выглядят официально. — Наташа говорила, как врач с родственниками: без украшений, чтобы человек успел дослушать. — Квартира на Нагатинской была оформлена на него. Он её продал. Общий счёт в «Сбере» закрыт. Тань, там давно ноль.

Наташа достала из папки закладки и пометила документы цветными стикерами: суд, квартира, счёт, страховка. — Не читай всё сегодня, — сказала она. — Сначала только даты. Остальное завтра. Татьяна кивнула, но сразу попросила ручку. С датами она могла работать даже тогда, когда эмоции не слушались.

Татьяна слушала.

Снег за окном почти не двигался.

— Ладно, — сказала она.

Наташа смотрела на неё.

— Ладно?

— Ладно, — повторила Татьяна. Слово вышло тупым, но других пока не было.

Её руки лежали поверх одеяла. Ни горя, ни ярости — только усталое узнавание, словно тело узнало правду раньше неё и восемь месяцев носило её в одиночку.

— Где он сейчас? — спросила она.

— Таня...

— Наташ. Где он сейчас?

Наташа отвела взгляд к окну.

— С Ириной. Они вместе. Давно. Насколько давно — не знаю.

Татьяна кивнула.

Кончики пальцев похолодели. Тело приняло информацию быстрее, чем сознание.

Ирина.

Семь лет дружбы. Ирина первой услышала о смерти бабушки. Ирина сидела на их кухне после третьей потерянной беременности, молчала и доливала чай. Она знала про Татьяну почти всё.

Ирина однажды ночевала у них после позднего спектакля, ходила утром босиком по кухне и знала, где лежит кофе. Эти воспоминания теперь не исчезали, а меняли температуру: знакомое становилось опасно близким. Татьяна не стала разбирать каждое. Отложила, как откладывают снимки до консилиума.

Наташа ушла в половине четвёртого, оставив компот и пакет, в который Татьяна не заглянула. На потолке по-прежнему обрывалась трещина.

В шесть она попросила телефон у медсестры.

Пожилая медсестра с усталым лицом принесла ужин. Поднос поставила на столик, телефон — на тумбочку.

— Вам помочь набрать? — спросила.

— Нет. Спасибо.

Пальцы уже слушались лучше, хотя по экрану приходилось попадать дважды. Номер Татьяна помнила наизусть: восемь лет не стираются за один больничный день.

Гудок. Второй.

— Алло?

Женский голос — спокойный, узнаваемый.

Татьяна не сказала ничего.

— Алло? Саш, это, наверное, не тебе. — Ирина отвернулась от трубки. — Молчат. Сбрось.

Татьяна нажала отбой.

Татьяна положила телефон на одеяло. Несколько секунд смотрела на погасший экран, потом перевела взгляд на потолок.

После отбоя она проверила журнал вызовов, хотя и так знала, куда позвонила. Номер был прежним, подпись «Саша» сохранилась. Пальцы зависли над экраном: переименовать, удалить, заблокировать. Ни одно действие не было срочным. Татьяна выключила телефон и положила его экраном вниз.

В ушах появился тонкий звон — без ритма, выше больничной аппаратуры.

Алло. Молчат. Сбрось.

Голос Ирины не изменился: спокойный, чуть бархатистый. Такой голос всегда хотелось слушать до конца.

Татьяна закрыла глаза.

Звон не прекращался.

Восемь лет брака — и четыре месяца до заявления на развод. Он не дождался, когда она откроет глаза. Возможно, не верил, что откроет. Хуже было другое: для решения это не имело значения.

Квартира. Счёт. Адвокат.

Чисто. Аккуратно. Юридически.

Ноль.

Слёз не было. Холод внутри держался прочнее слёз, и пока ему не требовался выход.

Медсестра вернулась за телефоном около восьми.

— Поели? — спросила она, заглянув в поднос. — Совсем не поели. Таня Александровна, вам надо есть.

— Поем.

— Сейчас поедите?

— Да.

Медсестра пододвинула поднос и мимоходом задела тыльную сторону её ладони. Темнота мигнула — и сменилась белой ванной под жёсткой лампой. Тест на беременность: две полоски. Испуганный смешок в ладонь. Следом — фотография мужчины в форме, серьёзное лицо, тёмные глаза, и боль под грудиной, настолько чужая и острая, что Татьяна не успела понять, кому она принадлежит.

Когда видение прошло, она оценила ориентировку: назвала про себя имя, дату, место, причину госпитализации. Проверила, нет ли двоения, слабости в руке, нарушения речи

сильнее обычного. Всё оставалось прежним. Значит, приступ не похож на новый неврологический дефицит — но сообщить врачу о нём она пока не решилась.

Она отдёргнула руку.

Татьяна резко подняла глаза. Медсестра замерла, пальцы всё ещё держали край подноса.

— Всё в порядке? Больно?

— Нет. — Татьяна убрала руку под одеяло. — Дёрнулось. Рефлекс.

— Понятно. — Медсестра поставила поднос на место. — Ешьте, пожалуйста. Вам восстанавливаться надо.

Она вышла.

Татьяна уставилась в стену.

Что произошло?

После длительной комы возможны нарушения восприятия, спутанность, яркие псевдовоспоминания. Мозг заново сортирует сигналы; Сергей Леонидович наверняка нашёл бы этому медицинское название.

И всё же увиденное было слишком цельным.

Она взяла ложку и заставила себя съесть остывший суп — половину, потом ещё несколько ложек.

Две полоски. Мужчина в форме.

Почему именно эти чужие детали проступили при касании, она не знала. Они держались в памяти, как отпечаток на промокшей бумаге.

Пока это следовало считать галлюцинацией.

Она доела суп, отставила поднос, легла обратно.

За стеной негромко переговаривались. Дежурный смех, шаги, шорох тележки.

— ...странная она, — донёсся голос медсестры с добрыми руками. — Посмотрела, будто про меня всё знает. Неловко стало.

— После комы бывает, — ответил кто-то. — Не обращай внимания.

— Я и не обращаю. Только взгляд у неё...

Голоса стихли. Шаги ушли в другую сторону.

Свет Татьяна не включала. В темноте трещины не было видно, но её место она уже знала.

Квартира. Счёт. Развод. Ирина.

Она перечисляла потери по одной, как пункты в карте: за восемь месяцев прежняя жизнь исчезла, пока тело продолжало дышать под аппаратами.

Не было квартиры с видом на реку, узкой кухни, где они с Сашей всё равно уместались, книжных полок до потолка, собранных за восемь лет по одной книге.

Не было брака в том виде, в каком она его помнила.

Не было и Ирины — той, которую Татьяна считала подругой. Разницу между человеком и своим представлением о нём предстояло разобрать позже.

Остался вопрос: что теперь?

Вопрос был не отчаянным, а практическим.

Жильё. Документы. Реабилитация. Деньги. Работа — ко-

гда разрешат врачи. Страховка, больничные, счета: всё требовало проверки, а не догадок.

Список она дополнила именами людей, которым можно позвонить. Наташа — документы и работа. Сергей Леонидович — медицина. Юрист — деньги. Дом в Барнауле — адрес. Даже чужой телефон на тумбочке перестал выглядеть единственной ниткой к прошлой жизни.

Получался список.

Она дописала к списку зарядку, тёплую одежду и копии выписок. Бытовые пункты выглядели скромно, зато каждый можно было выполнить без чужого разрешения.

Со списками Татьяна умела обращаться.

Под одеялом она медленно сжала пальцы до конца, как показывал невролог, и разжала.

Пальцы слушались.

Пальцы слушались. Значит, начинать следовало с них.

Глава 3. Ничья

Ходить было больно.

Боль оказалась терпимой; унижительным было другое. Ноги помнили порядок движений, но команды доходили с задержкой, и каждый шаг приходилось собирать по частям — перенести вес, выпрямить колено, не дать стопе завернуться внутрь.

Реабилитолог Максим Олегович, плечистый мужчина за сорок с невозмутимым лицом, шёл рядом и намеренно не подхватывал. Татьяна понимала методику: лишняя помощь сейчас закрепит беспомощность. От понимания поручень не становился теплее.

— Ещё три метра, — сказал он.

— Вижу, — ответила она.

— Не вижу, чтобы шли.

Левая нога подогнулась на первом шаге. Татьяна удержалась, вцепившись в холодный пластиковый поручень, и перевела дыхание. Впереди оставались три метра жёлтого коридора.

После восьми месяцев неподвижности её темп восстановления выглядел почти неприлично быстрым. Врачи объясняли это сохранностью проводящих путей и тем, что всё время комы с ней работали: меняли положение тела, разрабатывали суставы, не давали мышцам окончательно забыть нагруз-

ку. Но три метра всё равно были тремя метрами.

Максим Олегович измерял не только расстояние. После каждого прохода считал пульс, спрашивал о головокружении, проверял, не волочится ли стопа. Татьяна раздражалась на медленность, но сама бы назначила пациенту тот же темп. В конце занятия он записал: «без падения, с одной остановкой» — формулировка была сухой и честной.

Она сделала ещё шаг. Потом ещё.

— Хорошо, — сказал Максим Олегович, когда она дошла до отметки.

— Знаю, — сказала Татьяна.

Максим Олегович коротко кивнул, словно зафиксировал результат в невидимой карте. Похвала за три метра раздражала, но Татьяна уже знала: завтра он потребует четыре.

Она хотела домой. Только дома больше не было.

К концу четвертого дня Наташа принесла документы.

Наташа сложила на тумбочке выписки, справки и копии судебных решений. Татьяна читала сама, делая перерывы, когда буквы начинали расплываться и смысл переставал удерживаться. Тогда она смотрела на снег за окном, считала вдохи и возвращалась к следующему абзацу.

Сверху лежал её собственный телефон — Наташа утром принесла его из больничного хранения, зарядила, и старый номер ожил почти сразу.

— Как ты всё это достала? — спросила Татьяна.

— Не всё я. Сергей Леонидович дал телефон юриста. В

больнице я указана контактным лицом, поэтому смогла запросить часть бумаг, остальное подняли по доверенности от тебя, которую оформили здесь. Судебные решения — копии из дела. Это не пересказы, Таня.

Развод вступил в силу в ноябре. Квартиру продали в октябре. Общий счёт Александр закрыл в августе — через три месяца после аварии.

Она сложила бумаги обратно в стопку.

Татьяна разложила оставшееся по пунктам.

Первые месяцы шли больничные выплаты. Потом отделение реорганизовали, её должность сократили; законность формулировок ещё предстояло проверить с юристом. Страховку по жизни и здоровью перечислили на общий счёт в августе, после чего деньги ушли по доверенности. Татьяна уже запросила расширенную выписку.

Юрист по телефону попросил не делать выводов по одной копии: нужны основания доверенности, состояние Татьяны в момент её оформления, полномочия представителя и движение средств. Она записала вопросы отдельным столбцом. Возможность оспаривать что-то появилась только после того, как факты перестали быть общей катастрофой и стали набором документов.

И был ещё дом.

Дом в Барнауле — бабушкин, деревянный, на улице Зелёной, двадцать минут от центра пешком. Бабушка умерла шесть лет назад, и дом остался — не потому что Татьяна не

хотела продавать, а потому что не смогла. Документы были оформлены на неё ещё при жизни Матрёны Павловны — та сделала это заранее, спокойно, как всё делала. Александр этот дом не любил, не ездил туда ни разу, и в делёжке имущества дом не всплыл — либо не знал, либо счёл незначительным.

Дом был оформлен на неё ещё при жизни бабушки.

Этого факта оказалось достаточно, чтобы впервые за несколько дней план не обрывался на слове «куда».

В Барнауле был адрес, ключ и соседка, которая всё это время присматривала за печью.

Александр позвонил на пятый день.

Она взяла трубку на втором гудке — не потому что ждала, а потому что телефон лежал рядом и рука потянулась машинально. Восемь лет — рефлексy не исчезают за восемь месяцев.

— Таня, — сказал он.

Она слушала знакомый голос — чуть выше обычного, с заметным московским выговором, который проступал у Александра, когда он нервничал.

— Таня, я слышал, ты пришла в себя. Я рад. Правда, рад.

— Хорошо, — сказала она.

— Я понимаю, что сейчас не лучший момент. Но нам нужно поговорить о некоторых вещах. Юридических. Там остались кое-какие формальности, которые...

— Александр.

Он остановился.

— Где страховая выплата? — спросила она.

Он ответил не сразу.

— Там было несколько счетов. Я разберусь. Это можно решить через адвоката, если ты хочешь официально...

— Я хочу знать, где деньги.

— Таня, так получилось, что в тот момент были расходы, которые...

— Александр, — сказала она снова, — ты сейчас говоришь чьими словами?

В трубке слышалось его дыхание и далёкая музыка — возможно, телевизор в соседней комнате.

— Я не понимаю, что ты имеешь в виду, — сказал он наконец.

— Понимаешь.

— Тань, давай не будем так. Ты только что вышла из комы, тебе сейчас не надо...

— Мне надо, — сказала она. — Но не от тебя. Спасибо, что позвонил.

Она нажала отбой.

После отбоя Татьяна положила телефон экраном вниз. Руки не дрожали; только пульс на запястье стал чаще. Она досчитала до десяти, пока он не выровнялся.

Вопрос про чужие слова вырвался сам. Александр и раньше прятался за готовыми формулировками, когда не хотел называть суть. Тогда Татьяна списывала это на усталость и

характер. Теперь услышала приём сразу.

Объяснять его за него больше не требовалось.

С Максимом Олеговичем они встречались дважды в день.

На шестой день Максим Олегович протянул ладонь, помогая развернуться в тесном конце коридора. Татьяна взялась — и на мгновение поверх больничной стены проступила другая картинка.

Аптечная стойка. Стопка бланков. Торопливый почерк, не похожий на его аккуратные записи в карте. Под изображением — давление за грудиной, чужая смесь стыда и привычки, от которой уже трудно отказаться.

Она отпустила его руку.

— Спасибо, — сказала она. — Дальше сама.

Он не задал вопроса, лишь внимательнее посмотрел, как она переносит вес на левую ногу.

Обратно Татьяна шла медленнее. Она перебирала медицинские объяснения: последствия комы, нарушение обработки сенсорных сигналов, конфабуляция. Каждое подходило лишь наполовину.

Случай с медсестрой уже получил одно подтверждение.

На сестринском посту Татьяна увидела ту самую фотографию мужчины в форме. Медсестра заметила её взгляд и убрала рамку в ящик — слишком быстро для обычной уборки.

Татьяна прошла мимо.

Одного совпадения хватило бы для сомнений. Второе тре-

бовало наблюдать дальше и не делать выводов раньше времени.

В блокноте Татьяна завела две колонки: «видела» и «предполагаю». В первую внесла аптечную стойку, бланки и напряжение; во вторую — чужой рецепт, зависимость, нарушение. Разница между колонками успокаивала. Дар, если это был он, нуждался в той же дисциплине, что любой новый метод диагностики.

Она попросила выписку на седьмой день.

Сергей Леонидович долго смотрел поверх очков, сверяя не её упрямство, а устойчивость, координацию и способность понимать риск.

— После такой комы я должен был бы говорить о неделях, а не днях. Ваше восстановление идёт необычно быстро, но необычно — не значит безопасно.

— Я сама врач.

— Именно поэтому вы знаете, что дорога сейчас — отдельный риск: падение, тромбоз, перегрузка. И что выписка под расписку не отменяет последствий.

— Можете. Под расписку.

— Куда вы поедете?

— В Барнаул. Там дом.

— Одна?

— Одна.

Он снял очки и протёр стёкла, выигрывая несколько секунд.

— Там есть кто-то?

— Соседка. Баба Зина. Она приглядывала за домом.

— Соседка — это не медицинская помощь.

— В Москве мне некуда выписываться. В Барнауле есть дом и соседка. Я хожу с опорой, ем, читаю, ориентирована во времени и месте. Соглашусь на контрольные анализы, реабилитацию и связь с врачом. Но останусь только ещё три дня.

— Через пять, — сказал он.

— Через три.

Он посмотрел на неё ещё раз, потом надел очки обратно.

— Четыре. До отъезда — УЗИ вен, контроль крови, письменные рекомендации и сопровождение до вагона. В Барнауле вы в первые же сутки встанете на учёт.

Сергей Леонидович заставил её повторить рекомендации вслух: препараты по часам, компрессионные чулки в дороге, разминка стоп каждый час, вода, никакого алкоголя, немедленная помощь при одышке или слабости. Наташа получила копию списка и обещала проверить посадку в вагон. Только после этого врач подписал бумаги.

— Договорились, — сказала она.

Через четыре дня Наташа помогла ей выйти из больницы. Вещей набралось немного: одежда, документы, папка с рекомендациями и лекарства на дорогу. До вокзала ехали молча. В главном зале пахло горячим хлебом из киоска, влажными куртками и железом, тянувшим с платформ.

Вокзал был полный — конец января, студенты после каникул, командировочные, семьи с детьми. Гул, шаги, объявления по громкой связи, которые на вокзалах всегда звучат так, будто их читает человек, которому всё равно, поймёшь ты или нет.

Наташа пошла к кассе что-то уточнить, и Татьяна осталась стоять с сумкой, глядя на табло.

Рядом с табло стояла женщина лет тридцати: рыжеватые волосы, бледное лицо, маленький чемодан. Профессиональная привычка зацепилась за её позу — слишком прямую, щадящую, как у человека, который боится лишний раз напрячь живот.

Потом женщина пошатнулась.

Она качнулась, ухватила за ручку чемодана и тут же выпрямилась. Через секунду ладонь легла на правый бок.

Татьяна задержала взгляд.

Потом взяла сумку и сделала шаг к ней.

— Извините, — сказала она.

Женщина обернулась с обычной вокзальной настороженностью.

— Я врач, — сказала Татьяна. — Вы давно так себя чувствуете?

— Что? — Женщина чуть отступила. — Нормально я себя чувствую.

— Правый бок. Вы его держите уже две минуты.

Женщина посмотрела на свою руку — как будто не заме-

чала этого сама. Убрала.

— Просто устала, — сказала она. — Долго стояла.

Татьяна отметила бледность, поверхностное дыхание, замедленное моргание и то, как женщина старалась не менять положение корпуса.

Никакого видения не было. Только клиническая картина и ещё одно упрямое ощущение, которое пока нельзя было отделить от наблюдений.

— Когда у вас последняя менструация? — спросила Татьяна.

Женщина открыла рот и закрыла.

— Это... как вы...

— Когда?

— Семь недель назад. Но тест отрицательный, я делала. — Голос у неё стал другим — не настороженным, а растерянным. — Я три раза делала.

— Отрицательный тест не исключает внематочную беременность. Задержка, односторонняя боль, слабость и бледность требуют УЗИ и анализа крови сегодня. Не после поездки.

— Вы меня впервые видите. Откуда вы вообще... — Женщина осеклась и снова прижала локоть к боку.

— У второго выхода дежурит скорая. Я могу проводить. Возможно, я ошибаюсь, но если уже началось внутреннее кровотечение, счёт идёт на часы.

Женщина смотрела на неё.

Татьяна не имела права ставить диагноз в вокзальном зале. Но риск был слишком велик, чтобы смягчать слова до бездействия.

— Пусть лучше врачи скажут, что тревога была лишней.

— Как вас зовут? — спросила женщина.

— Татьяна.

Женщина смотрела на неё ещё секунду. Потом взяла чемодан.

— Покажите, где скорая.

Наташа нашла Татьяну у второго выхода. Женщину уже осматривал фельдшер; Татьяна успела кратко перечислить симптомы и отступила, когда её попросили не мешать. Теперь скорая медленно вырубивала со стоянки.

Перед тем как уйти с фельдшером, женщина спросила, может ли Татьяна позвонить кому-то из её близких. Они вместе нашли номер сестры, и Татьяна коротко сказала: «Её осматривают, она в сознании, встречайте звонок из больницы». Это заняло минуту, но вернуло ситуации обычный медицинский порядок.

— Что случилось? — спросила Наташа.

— Подозрение на внематочную. Справа.

— Ты её знаешь?

— Нет.

Наташа помолчала.

— Откуда тогда?

Татьяна подобрала сумку.

— Пойдём. Поезд через сорок минут.

На платформе мороз ударил в лицо запахом железа. Наташа больше не спрашивала — умела оставить человеку место рядом с собой.

Татьяна вспоминала короткий выбор у табло: пройти мимо или вмешаться. В медицине такие секунды случаются чаще, чем принято говорить.

Она могла ошибиться в диагнозе, но не в необходимости срочного осмотра. Раньше эту уверенность давали опыт и наблюдательность; теперь к ним примешивалось то, чему названия ещё не было.

Бабушка когда-то называла похожее состояние знанием — без торжественности, будто речь шла о слухе или обонянии. Татьяна помнила только обрывки кухонных разговоров.

Сегодня ей хватало медицинского решения. Остальное подождёт.

Поезд стоял у платформы — тихий, тёмно-синий, с желтоватым светом в окнах. Проводница в форме проверяла билеты, переступала с ноги на ногу на холоде.

У вагона Наташа поправила на её сумке ремень и сунула в боковой карман бутылку воды. — Не геройствуй, — сказала она. — Если закружится голова, зови проводницу, а не доказывай вселенной, что справляешься. Татьяна пообещала, потому что это было разумно.

Татьяна остановилась перед ступенькой.

Позади оставалась Москва, где больше не было её адре-

са. Впереди — Барнаул и дом на улице Зелёной, пропахший травами и деревом, где шесть лет жила одна память.

Она поставила ногу на ступеньку.

Левая нога не подогнулась.

Левая нога выдержала.

— Таня, — сказала Наташа за спиной, — ты там держись.

— Буду, — ответила Татьяна.

Она вошла в вагон.

Глава 4. Дом на краю

Барнаул встретил её снегом и темнотой.

Поезд пришёл в половине шестого, когда до рассвета оставалось часа полтора. Небо было чёрным, только у горизонта проступала синяя полоса, похожая на старый синяк. На перроне Татьяна остановилась вдохнуть. Воздух здесь не пах московским асфальтом и выхлопом — мороз был сухим, резким, с едва уловимой хвоей.

Минус двадцать два, написано было в телефоне. Она убрала телефон в карман.

Такси нашлось быстро: немолодой «Логан», водитель в шапке с помпоном. Он молча убрал её сумку в багажник, уточнил адрес и больше не разговаривал. За стеклом проплывали редкие фонари, пятиэтажки, заправка, круглосуточный магазин с жёлтой вывеской. Потом дома стали ниже, заборы выше, сады темнее.

Улица Зелёная начиналась там, где кончался асфальт.

Асфальт никуда не делся, но снег скрыл его целиком. «Логан» вильнул на въезде, водитель негромко выругался. Татьяна узнавала улицу по отдельным точкам: голубые ставни, накренившийся тополь, поворот у старого колодца. За ним должен был показаться дом.

— Вот здесь, — сказала она.

Водитель остановился.

Дом стоял в глубине участка, за потемневшим деревянным забором. Лиственница, срубленная ещё до войны — бабушка ссылалась на собственную мать, и история звучала как семейное предание. Сруб выдержал. На первый взгляд не изменилось ничего, но Татьяна всё-таки искала отличие.

Его выдал снег.

Раньше здесь всегда чистили. Бабушка выходила рано утром с лопатой, небольшая, быстрая, и управлялась за двадцать минут. Теперь снег лежал нетронутым от калитки до крыльца — плотный, слежавшийся, со следами от крыльца в сторону и обратно: чьи-то следы, узкая подошва. Баба Зина, наверное.

— Помочь с сумкой? — спросил водитель.

— Нет, спасибо.

Когда такси исчезло за поворотом, Татьяна осталась у калитки одна — с сумкой, ключом и двадцатидвухградусным морозом.

Бабу Зину она предупредила из поезда. Собственный голос в трубке по-прежнему звучал непривычно.

Ключ нашёлся ещё в Москве среди вещей из больничного хранения: железный, без брелока, со стёртой бородкой. Ладонь вспомнила его вес раньше, чем память — движение замка.

Калитка протяжно скрипнула. Барнаульский снег был суше московского и отзывался под подошвами низким хрустом.

По узким следам бабы Зины Татьяна дошла до крыльца, заранее готовясь к холоду и затхлому запаху нежилого дома.

Дверь по-старому требовала двух движений: потянуть на себя, потом толкнуть плечом. Татьяна справилась не с первого раза, удержала равновесие и вошла.

В сенях горел свет. И было тепло.

Маленькая лампочка освещала деревянный пол, крючки и три пары резиновых сапог у порога. Первым пришёл запах: сухие травы, воск, старое дерево и смолистая горечь, которую Татьяна не умела назвать, но узнала сразу. Запах держался в половицах, занавесках и брёвнах; за шесть лет дом его не выпустил.

На гвозде у двери висела бабушкина щётка для снега, стёртая с одного края. Рядом стояла жестяная банка с песком для крыльца. Баба Зина не только протопила дом — она подготовила его к человеку, который ещё неуверенно ходил. Татьяна посыпала ступеньку прежде, чем внесла сумку.

Татьяна поставила сумку и несколько раз медленно вдохнула.

После больничной хлорки и вагонного воздуха этот запах оказался убедительнее документов и ключа. Она действительно вернулась.

Она разулась. Поставила ботинки рядом с резиновыми сапогами. Открыла внутреннюю дверь.

Печь была тёплой.

Кирпич хранил вчерашнее тепло: баба Зина протопила

печь. В комнате было градусов пятнадцать, не больше, но стены не отдавали холодом. Дом не пустовал — его поддерживали в ожидании.

Большую комнату бабушка никогда не называла ни гостиной, ни залом. Здесь стояли деревянный стол у окна, четыре стула, диван с валиками, буфет с чуть запотевшими стёклами и полка выгоревших книг по травничеству.

На диване лежал новый, явно не бабушкин плед. Под ним — сложенная чистая простыня и грелка. В буфете нашлись крупа, сахар, чай, несколько банок тушёнки; на дверце холодильника баба Зина прикрепила записку с телефонами поликлиники и такси. Дом встречал её не мистикой, а хозяйственной предусмотрительностью.

Под потолком когда-то висели пучки трав, связанных бечёвкой: зверобой, полынь, чабрец. Они были там всегда, всё её детство, засохшие, тёмные, шуршащие при сквозняке. На полках — банки: стеклянные, разного размера, с бумажными этикетками, написанными бабушкиным мелким почерком. «Мята перечная». «Корень валерианы». «Зверобой». «Пижма». Дальше — этикетки, которые Татьяна не пыталась прочитать сейчас. Потом.

На комоде у стены лежал шёлковый платок — тёмно-вишнёвый, вытертый по краям. Под ним угадывалось что-то прямоугольное, плоское.

Татьяна подошла. Отложила платок.

Под вишнёвым платком лежала старая колода с потем-

невшими краями. Карты так долго тасовали, что они слиплись в плотный прямоугольник. В ладони колода показалась неожиданно тёплой и тяжёлой.

Колода пахла пылью и слабым воском. На одной карте край был надломлен и подклеен тонкой полоской бумаги. Татьяна автоматически подумала, что такую вещь следовало бы хранить в сухом месте, и только потом вспомнила, что бабушка пользовалась ею десятилетиями без её рекомендаций.

Она положила колоду обратно. Накрыла платком.

Разбираться с ней Татьяна решила позже.

Баба Зина появилась в начале седьмого — Татьяна услышала скрип калитки и стук в дверь, хотя та была не заперта.
— Танюша!

Зинаида Петровна Крылова жила через три дома и была ровесницей бабушки, но совсем иной породы: крупная, громкая, с руками, которые непрерывно несли, поправляли и ставили на место. Она вошла в пальто, водрузила на плиту кастрюлю и лишь потом обернулась к Татьяне.

На три секунды баба Зина застыла — для неё почти неприлично надолго.

— Господи, — сказала она и перекрестилась. — Матрёна Павловна, только молодая. Глаза её, посадка головы... и вот здесь то же. — Она махнула у виска, будто указывала на знакомую примету, видимую только ей.

— Здравствуйте, баба Зина, — сказала Татьяна.

— Здравствуй, Танюша. — Баба Зина взяла её лицо обе-

ими ладонями, крепко и без церемоний. — Худая. Но глаза живые. Остальное наешь. Суп будешь?

— Буду, — сказала Татьяна.

За столом баба Зина разлила суп, отрезала домашний хлеб и без передышки отчиталась о хозяйстве: трубу осенью проверил мастер, дрова лежат в сарае, подвальную отдушину пришлось закрыть из-за соседской кошки. В её речи дом снова становился не наследством, а набором дел.

Суп оказался куриным, с домашней лапшой. Баба Зина следила, сколько Татьяна съела, но делала это незаметно: сама пододвигала хлеб, рассказывала про кошку, доливала бульон. Когда ложка начала дрожать от усталости, она без комментариев перелила остаток в маленькую миску «на потом».

Татьяна ела и слушала.

Татьяна ела горячий суп и слушала, как за окном светлеет сад. Ей пока не требовалось ни отвечать, ни принимать решение.

— Баба Зина, — сказала она, — в доме ничего не трогали? Бабушкины вещи?

— Упаси бог. Я раз в неделю проветривала, зимой топила. А вещи — как стояли, так и стоят. Матрёна сама всё разложила перед смертью. — Баба Зина осеклась, поправила хлебницу. — Будто знала, что тебе понадобится.

— Когда?

— За год начала. Я ей: «Матрона, чего ты шкафы перетряхиваешь?» А она: «Человеку уходить — надо порядок оста-

вить». Такая уж была. Не пугалась того, что знала.

Татьяна провела ложкой по дну тарелки.

Порядок после себя бабушка оставила для кого-то конкретного.

Баба Зина ушла в девять — дела, куры, всё это не ждёт. Обещала прийти к обеду. Татьяна закрыла за ней дверь и осталась в доме одна.

Больничная тишина складывалась из приглушённых звуков. Здесь каждый звук был отдельным: ход часов, скрип половицы, ветер в печной трубе. Дом не разговаривал — просто не скрывал, как устроен.

Татьяна прошла по дому с телефоном и проверила связь. В большой комнате ловило уверенно, в «приёмной» сигнал пропадал у окна. Она поставила зарядку у дивана, лекарства — на полку, воду — в термос. Эти действия отделяли возвращение от красивого воспоминания: здесь предстояло жить телом, которое ещё быстро уставало.

Татьяна прошла в боковую комнату — ту, что бабушка называла «приёмной».

Распаковав сумку, Татьяна сверила таблетки с выпиской, поставила будильники и отметила в блокноте давление. Потом нашла в кладовой складную трость, проверила резиновый наконечник и оставила у двери. Баба Зина подготовила дом, но режим восстановления всё равно требовал её собственного участия.

В «приёмной» было темнее. Маленькое окно закрывала

льняная занавеска; на столе лежала тёмная скатерть с вышитыми знаками, названий которых Татьяна не знала. Банок здесь стояло больше, и не всё внутри напоминало травы: тёмные корешки, сухие ягоды, порошки. В железном подсвечнике застыла нагоревшая свеча.

И на краю стола — тетрадь.

Тетрадь была самой обычной — клетка, тёмно-зелёная обложка, надтреснутый корешок. Только бумага успела пожелтеть, а угол выцвел от света.

Татьяна взяла её.

Села на стул. Посмотрела на обложку — ничего не написано, только чуть поцарапан угол.

Открыла.

Первая страница.

Мелкий бабушкин почерк наклонялся вправо одинаково на каждой строке. В верхнем углу стояла дата: восемь лет назад, за два года до смерти Матрёны Павловны.

Чернила местами выцвели, и Татьяна подносила страницу ближе к лампе. Внизу стояла крошечная клякса, на полях — отпечаток чайной кружки. От этого письмо переставало быть посланием из легенды: бабушка сидела здесь, уставала, пила чай и продолжала писать, потому что рассчитывала на конкретную внучку.

Танюша.

Если ты это читаешь, значит, время пришло. Значит, оно в тебе уже проснулось — сразу или через боль, не знаю, какой

у тебя будет путь. У каждой в нашем роду — свой.

Я писала это не для того, чтобы пугать. Писала, чтобы ты не была одна.

Здесь всё, что я знаю и умею. Часть старых случаев я переписала из прежних тетрадей, чтобы тебе не пришлось искать их по всему дому. Здесь то, что умела твоя мать, и то, чего она не успела передать тебе сама. Читай медленно. Не торопись понимать — знание любит, когда его не торопят.

Одна просьба: будь аккуратна с людьми. Дар — это не власть. Это ответственность, которую трудно нести и невозможно сложить.

Люблю тебя, Танюша.

Матрёна.

Татьяна не сразу перевернула страницу.

В комнате тикали часы, ветер трогал трубу, наверху сухо отзывались брёвна. Всё это было знакомо с детства и потому не требовало объяснений.

Слёзы пришли без предупреждения. До этого она не плакала ни после известия о разводе, ни после голоса Ирины, ни ночью в поезде. Теперь ладонь легла на страницу, и напряжение, которое держало тело все эти дни, наконец ослабло.

Бабушка заранее допустила её боль, оставила ей место и слова. Не спасение и не ответ — только возможность не проходить через это в одиночку.

«Чтобы ты не была одна».

Бумага была шероховатой и прохладной. В ровных стро-

ках не было ни одного исправления, будто бабушка точно знала, что хочет сказать.

Слёзы быстро забили нос, пришлось искать платок. В ящике стола нашлись старые хлопковые салфетки, аккуратно выглаженные. Татьяна рассмеялась сквозь слёзы от этой бабушкиной предусмотрительности — Матрёна оставила даже то, чем можно вытереть лицо после её письма. Смех получился хриплым, но своим.

Татьяна перевернула страницу.

Дальше шли травы, сроки сбора, фазы луны, карты. Татьяна листала, пока не читая: убористые страницы, схемы, контуры листьев, значки на полях. Это был не прощальный лист, а многолетняя работа.

Тетрадь оказалась толстой; бабушка готовила её не один месяц.

Почти в самом конце цвет пасты менялся на тёмно-коричневый. Татьяна остановилась на дате.

Запись появилась через полтора года после первой, незадолго до смерти бабушки.

Последний год Матрёна почти не вставала, но буквы оставались ровными. Значит, выбрала день, когда рука слушалась.

Татьяна читала медленно.

Таня. Это важно — важнее, чем я хочу думать. Ко мне приходила одна женщина. Молодая, красивая, в цветочном платье. Она назвала твоё имя — сказала, что вы подруги, что

она за тебя переживает. Хотела знаний о привороте, о привязке. Я отказала. Она улыбалась, когда уходила — и улыбка мне не понравилась. Улыбка человека, который не привык получать отказ и уже нашёл другую дорогу.

Я не вижу вперёд точно — дар у меня не тот. Но я знаю. она не отступит. И когда ты будешь слаба — она придёт.

Берегись той, которая рядом. Змея в цветочном платье. Она придёт за тем, кто рядом с тобой, а потом придёт за тобой.

Не знаю, когда ты это прочитаешь. Может, через год. Может, через десять. Но я обязана была написать.

Татьяна опустила тетрадь на колени.

За окном белели яблони и перекладины беседки, которую бабушка всё собиралась починить.

«Змея в цветочном платье». Ирина возникла в памяти первой — слишком очевидно и слишком удобно. Татьяна оборвала вывод: имени нет, предупреждение не доказательство. Оно могло относиться к человеку из прошлого или к тому, кого она ещё не встретила.

Она переписала предупреждение на отдельный лист и рядом поставила три вопроса: когда Ирина познакомилась с бабушкой, кто ещё знал Татьяну в то время, что означает «привязка». И только затем закрыла тетрадь. Вопросы удерживали её от соблазна превратить образ цветочного платья в окончательный ответ.

Ветер прошёл по саду, качнул голые ветки и стих. Сле-

жавшийся снег остался на месте.

Предупреждение она сфотографировала вместе с номером страницы, а оригинал не стала вырывать или помечать. Если понадобится сравнивать даты и чернила, тетрадь должна остаться такой, какой её оставила бабушка. Эта мысль вернула странице вес документа, а не пророчества.

Татьяна закрыла тетрадь, выровняла её по краю стола и несколько секунд смотрела на выцветшую обложку.

Потом вернулась к первой странице и начала читать уже не листая — медленно, с карандашом рядом.

Спешить было некуда. Бабушкина тетрадь ждала её восемь лет.

Глава 5. Тетрадь мёртвой ведуньи

Тетрадь была устроена как история болезни.

Татьяна поняла это на второй день, добравшись от общих принципов до записей о людях. Бабушка не писала «клиент»: «приходила женщина», «был мужчина, около сорока». Дальше шёл почти медицинский анамнез — жалобы, наблюдения, увиденное, действия, назначение. Через неделю появлялся результат, через месяц — контрольная помета.

В тетради была система.

За столом в «приёмной» Татьяна всё чаще думала, что из Матрёны вышел бы хороший врач. Там, где помощь не сработала, бабушка прямо отмечала ошибку и разбирала причину. Удачи фиксировала без торжества: «Лучше». «Ушла довольная». «Через два месяца — замужем».

Почерк почти не менялся. Старые случаи, поздние комментарии, последние страницы — одинаково мелкие буквы, один наклон, ровные интервалы. Бабушка не спешила и не украшала работу характером.

Раздел о приворотах был отмечен загнутым уголком.

Татьяна читала его дважды.

Матрёна начинала с оговорки: люди называют приворотом разные вещи. В одних случаях это внушение и зависимое поведение, в других — вещества, подмешанные в еду или питьё. Некоторые составы вызывают заторможенность,

тревогу, нарушения сна и самоконтроля; человек может принять облегчение рядом с определённым лицом за чувство. Это не любовь, подчёркивала бабушка, и химия здесь опаснее любого обряда.

Ритуал и слова, по её записи, действовали прежде всего на того, кто их произносил: укрепляли намерение, задавали манеру поведения, помогали раз за разом добиваться одной реакции. Второй человек считывал эту настойчивость, особенно если был уже ослаблен.

Татьяна записала на полях карандашом: «интоксикация, внушение, время; проверять отдельно». Бабушкино объяснение было наблюдением, не доказанной фармакологией.

На отдельном листе Татьяна составила таблицу: бабушкино наблюдение, возможный медицинский механизм, что можно проверить. «Тревога при отсутствии человека» могла быть и внушением, и зависимым поведением, и реакцией отмены. «Сонливость» — десятком препаратов. Работа с тетрадью становилась переводом, а не верой.

Татьяна отложила тетрадь и посмотрела в окно.

За три дня сад перестал казаться декорацией из прошлого. Татьяна снова различала яблоню с удобной развилкой, малинник вдоль забора и покосившуюся беседку. Весной её придётся либо чинить, либо наконец разобрать.

Мысль об Александре возникла неизбежно. Если его действительно методично травили или внушали зависимость, нужны были не только знания, но и доступ, терпение, повто-

рение. Ирина терпением обладала. Раньше Татьяна считала это достоинством; теперь решила считать только фактом.

Она открыла тетрадь снова.

На четвёртый день она взяла карты.

Сначала Татьяна долго держала в руках шёлковый платок, то разглаживая, то снова загибая край. Она вспоминала два касания в больнице и подтверждение с фотографией. Достаточно, чтобы проверить метод; недостаточно, чтобы объявить его истиной.

Она взяла колоду.

Колода легла в ладонь тяжело и почти удобно. Первая попытка перетасовать закончилась тем, что несколько карт выскользнули на стол. Татьяна собрала их, выровняла края. В тетради было написано: вначале может не произойти ничего; карты не кнопка, а способ удержать внимание.

Перед раскладом она измерила давление и записала время. На стол поставила стакан воды, убрала телефон, открыла окно на щель. Эти мелочи казались избыточными, но врачу было легче входить в неизвестную практику, если вокруг сохранялся протокол.

Татьяна выложила три карты рубашкой вниз.

Ничего не произошло.

Три тёмные рубашки вызвали только неловкость: врач сидит в деревянном доме и дисциплинированно ждёт знака. Наташа при виде этой сцены наверняка подняла бы бровь.

Она перевернула первую карту.

Покалывание началось в кончиках пальцев, будто после онемения, хотя рука не затекала. Вместе с ним появилось направление — телесная уверенность, похожая на способность без карты повернуть к северу.

Она перевернула вторую карту.

На второй карте возник образ.

Он был размытым, как воспоминание о сне: женский силуэт у стола, маленький тёмный сосуд с крышкой, тонкие ухоженные пальцы и кольцо на указательном. Содержимое сосуда попало в тарелку — обычную, с супом или кашей.

Затем показались руки Александра.

Лица не было. Только его привычка держать ложку слишком низко, почти за конец черенка — Татьяна когда-то дразнила его за это. Она узнала движение раньше, чем успела спросить себя, откуда оно взялось в этой картинке.

Татьяна перевернула третью карту.

После третьей карты образ оборвался, словно погас экран. За глазами появилась тупая боль, как после чтения в сумерках.

Она положила карты.

Перед ней лежали три старые карты. Пальцы уже не покалывало.

Происшедшее нельзя было ни подтвердить, ни отменить одним ощущением.

Галлюцинация могла собрать знакомые детали в новый порядок. Но кольца на указательном пальце Татьяна не пом-

нила, а связь с маленьким сосудом не возникала прежде сознательно. Вместо окончательного вывода она решила зафиксировать всё дословно и проверить, если появится возможность.

Татьяна зарисовала расположение карт и описала сцену без толкования: «женщина, стол, сосуд, кольцо на указательном пальце, движения Александра». Затем отдельно записала ассоциации. Так она могла позже увидеть, где память подменила исходный образ удобным объяснением.

Она завернула карты, встала и только тогда заметила, что просидела почти два часа. Спина затекла, в комнате сгустились сумерки.

После расклада она не стала сразу повторять попытку. Проверила пульс, выпила воды и записала, сколько длилась боль за глазами. В следующей строке оставила место для того, что подтвердится позже. Пустая графа напоминала: яркость образа не делает его точнее.

Бабушка советовала после первого опыта отдохнуть и не пытаться немедленно повторить результат.

Татьяна пошла на кухню ставить чайник.

В пятом часу в сенях зашаркала левая нога бабы Зины. Та принесла пироги и, судя по тяжёлым уверенным шагам, не собиралась обсуждать своё больное колено.

— Пироги с капустой, — сказала она, входя, и поставила противень на стол без предисловий. — Садись, пей чай, не делай вид, что не голодная.

Татьяна налила две кружки.

Они пили чай с пирогами. Баба Зина умела молчать без церемонии: ела, смахивала крошки в ладонь, поглядывала на Татьяну и ждала, когда вопрос созреет сам.

— Читала тетрадь? — спросила баба Зина наконец.

— Читала.

— Карты брала?

Татьяна подняла глаза. Баба Зина спокойно откусила край пирога.

— Откуда знаете?

— По лицу вижу. У Матрёны после первых карт здесь ломило. — Она постучала между бровями. — У тебя тоже?

— Немного.

— Пройдёт. Матрёна про тебя давно говорила: «В Танюшке есть, только спит». А сильнее или слабее — это не меряют, как давление.

— А голова у Матрёны проходила после сна, — добавила баба Зина. — Если не проходила, карты убирала на неделю. И ты уберёшь. Не надо доказывать тетради, что сильная. Татьяна возразить не успела: баба Зина уже положила ей второй пирог и объявила разговор законченным.

Татьяна держала кружку двумя руками. Чай был горячим, пахло смородиновым листом.

— Матрёна Павловна мне ничего не говорила.

— А ты и не спрашивала. В детстве придёшь, посидишь, книжку откроешь — и домой. Самостоятельная была до

невозможности. — Баба Зина усмехнулась. — Не худшее качество.

— Почему же тогда не сказала сама?

Баба Зина отложила пирог и вытерла пальцы о салфетку.

— Потому что такое не вручают, как ключи. Пока человек сам не признает, что слышит, чужие объяснения только пугают. Матрёна ждала, когда ты придёшь не в гости.

За окном уже ничего не различалось, кроме собственного отражения в стекле.

— Выходит, она этого ждала.

— Ждала — не значит хотела тебе беды. — Баба Зина собрала кружки. — А люди узнают быстро. Матрёнину внучку видели на улице, меня видели у тебя. Кто-нибудь придёт.

Татьяна подняла голову.

— Какой слух?

— Какой ещё слух... Да обычный. После смерти Матрёны к калитке всё равно заходили, записки оставляли. Теперь решат, что снова можно стучать. Дверь на оба засова не запирай, а на один — запирай. Не совсем же без головы жить.

— Баба Зина.

Та остановилась.

— Я не знаю, что им говорить. Я только начала читать и не понимаю, где наблюдение, а где воображение.

Баба Зина уже просунула одну руку в рукав пальто.

— Вот и скажешь, если не понимаешь. А сначала слушай. Матрёна тоже не родилась со всеми ответами.

Она вышла.

Скрипнула калитка, тяжёлые шаги с шарканьем ушли по снегу.

Татьяна вымыла кружки и зажгла в «приёмной» лампу с жёлтым абажуром. Банки отбрасывали на стену длинные тени, под потолком едва шевелились пучки трав.

Она взяла тетрадь снова.

В разделе о картах бабушка называла происходящее не видением, а «считыванием» и сразу ограничивала его:

Считывание — не чтение мыслей и не ясновидение. Человек несёт след прошлого в жестах, голосе, привычках держать руки и отводить взгляд. Карты помогают сосредоточиться и заметить связь, которую разум отбрасывает слишком быстро.

Касание даёт самый сильный отклик. Вещь и фотография сохраняют лишь ограниченный отпечаток владельца или момента. Карты обозначают направление, но не отвечают за человека. Ни ощущение, ни образ не заменяют фактов и не могут служить доказательством.

Ниже Матрёна приводила ошибки: принять страх клиента за собственное предчувствие; дорисовать лицо; назвать точную дату, которой в образе не было; обещать исход. Татьяна подчеркнула весь список. Ограничения делали систему убедительнее, потому что бабушка оставляла место для промаха.

Татьяна перечитала это дважды.

«То, что уже знаешь, но не позволяешь себе знать».

Женский силуэт. Кольцо. Сосуд. Руки Александра с ложкой.

Возможно, она замечала отдельные детали раньше и складывала их туда, куда не заглядывала. Возможно, образ соединил их неверно. Обе версии требовали осторожности.

Дар не освобождал от проверки.

Он мог лишь заставить посмотреть туда, откуда Татьяна прежде отворачивалась.

Она закрыла тетрадь. В жёлтом свете остро пахло пылью.

Где-то в соседнем доме лаяла собака. Потом замолчала.

Завтра действительно могли постучать. Тогда придётся не угадывать чужую жизнь, а задавать вопросы и честно обозначать пределы.

Она решила принимать не больше одного человека в день и после каждого делать запись. Деньги — только когда поймёт, что именно предлагает. При выраженных симптомах — направлять к врачу. При угрозе насилия — не раскладывать карты, а помогать составить план безопасности. Бабушка не писала этих формулировок, но ответственность требовала современного языка.

Этому она умела учиться.

На отдельной странице она выписала ограничения: не работать уставшей, не касаться человека без согласия, не обещать результата, после каждого образа отделять увиденное

от вывода. Рядом поставила простой знак вопроса. Правила ещё предстояло проверить на практике, но без них любая удача быстро стала бы самоуверенностью.

Знание не облегчало выбор; оно добавляло ответственность. В медицине было так же: заметив опасный симптом, уже трудно сделать вид, что не заметил.

На вокзале женщина прижимала ладонь к правому боку.

Татьяна не знала, подтвердился ли диагноз. Она знала только, что отправить женщину к врачам было правильно.

Именно это различие следовало запомнить.

«Слушай», — сказала баба Зина. Для начала — достаточно.

Татьяна погасила лампу. В большой комнате пахло деревом и остывшими пирогами.

Легла она не сразу: проверила засов, поставила у дивана воду и таблетки, записала в блокнот время головной боли после карт.

На завтра дел уже хватало.

Если кто-то придёт, он подождёт, пока она откроет.

Глава 6. Первая клиентка

Женщина постучала в половине одиннадцатого.

Татьяна переставляла банки на подоконнике: баба Зина объяснила, каким нужен свет, а каким — тёмная полка. Она сверяла этикетки и записывала непонятные названия, когда в дверь трижды постучали. После короткой паузы — ещё три удара.

Она вытерла руки и пошла открывать.

На пороге стояла крупная женщина лет сорока пяти в тёмно-синем пуховике. Сумку на плече она прижимала обеими руками. Поджатый рот и напряжённая челюсть выдавали не страх, а раздражение человека, который долго решался прийти и теперь сердится на себя.

— Вы Матрёниной внучка? — спросила она.

— Да. Татьяна Александровна.

— Галина. — Она не добавила отчество. — Мне сказали, что вы приехали.

— Входите.

Галина вошла и быстро осмотрелась, словно проверяла, не ошиблась ли адресом. Сняла пуховик; под ним оказался серый свитер с мелким узором, удобный и давно привычный.

В «приёмной» она села на край стула и оставила сумку на коленях. Татьяна поставила чайник и расположилась напротив, не доставая карт.

— Я вообще-то не верю во всё это, — сказала она.

— Хорошо, — сказала Татьяна.

Галина явно ждала возражения или убеждения. Татьяна дала ей договорить.

— Но мне больше некуда идти.

— Понятно. Рассказывайте.

Сначала рассказ распадался на фразы, потом набрал ход. Сын Костя, двадцать один год, второй курс политеха. В октябре бросил институт, не оформил академический, съехал и снял комнату вместе с женщиной тридцати шести лет. На слове «женщина» Галина задержалась.

По ходу рассказа Татьяна уточняла даты и записывала только проверяемое. Костя бросил институт в октябре, комнату снял в ноябре, домой приезжает по воскресеньям. О женщине Галина знала имя, возраст и то, что у неё есть сын, но ни разу с ней не разговаривала. Уже это меняло масштаб уверенности.

— На пятнадцать лет старше, — сказала Галина. — Разведена. У неё самый сын. Представляете?

— Представляю, — сказала Татьяна.

— Нормальный парень был. Учился, домой вовремя, друзья — всё как у людей. А за три месяца бросил всё. Такое не происходит на пустом месте.

— Почему?

Галина смотрела на неё.

— Он бы не ушёл молча. Он не такой. — Галина крепче

сжала ручки сумки. — Она его чем-то поит. Приходит раз в неделю, а будто подменили: взгляд чужой, слова чужие.

— Что именно говорит?

— Говорит, что у него всё хорошо, — с горечью перечислила Галина. — Что взрослый. Что сам решает. Что это я ничего не понимаю.

Татьяна налила чай. Поставила перед Галиной, та не взяла — не заметила.

— Фотография есть?

Галина открыла сумку. Достала телефон, нашла что-то, повернула экраном к Татьяне.

На летнем снимке светловолосый широкоплечий парень смеялся, повернувшись к кому-то за кадром. Улыбка не была приготовлена для фотографии.

— Можно? — Татьяна кивнула на телефон.

Галина подала.

Татьяна взяла его в руки.

Экран хранил тепло Галининых пальцев. Татьяна смотрела на лицо Кости, стараясь не подталкивать себя к тому ответу, за которым пришла мать.

На снимке Костя держал в руке пластиковый стакан и шурился от солнца. На заднем плане была река, рядом — обрезанное плечо другого человека. Татьяна спросила, когда сделан кадр и кто снимал. Галина ответила: прошлым летом, сам Костя прислал. Значит, фотография показывала его до переезда.

Фотография могла удержать лишь след человека в конкретный момент. Всё, что возникнет сверх него, следовало проверять разговором.

Сначала изменилось дыхание.

В груди появилось давление, а затем — закрытая изнутри дверь. За ней долго удерживали воздух, и вот замок наконец щёлкнул. Вместе с образом пришло резкое облегчение и одиночество, в котором можно расправить плечи.

Голос слышался без слов: усталый, спокойный, как после многих безуспешных объяснений.

Татьяна положила телефон на стол.

Признаков чужого воздействия Татьяна не почувствовала.

Она увидела молодого человека, который ушёл из дома, где ему было тесно, и впервые смог дышать свободно. Но даже это оставалось образом, а не протоколом событий.

— Ну? — спросила Галина. Голос напряжённый.

Татьяна посмотрела на неё.

— Приворота нет, — сказала она.

— Что?

— Я не вижу приворота.

На лице Галины словно опустилась задвижка.

— Значит, не видите. — Голос стал холодным. — Или не хотите видеть.

— Галина...

— Я пришла за помощью, а вы — «нет». И всё? Матрёна Павловна так бы человека не выставила.

— Я вас неставляю. Но сказать то, чего не вижу, тоже не могу.

Галина дёрнула молнию, не попала бегунком и попробовала снова. В её последнем взгляде смешались обида и страх — не за сына даже, а перед объяснением, в котором виновата не чужая женщина.

— Всего хорошего, — сказала Галина и вышла.

Дверь закрылась плотно, без хлопка.

Татьяна осталась за столом.

Снег хрустел под удаляющимися шагами. Галинин чай стоял нетронутым; свой Татьяна отпила и поморщилась — остыл.

Она не собиралась менять ответ ради благодарности. Образ мог оказаться неточным, поэтому говорить следовало осторожно; выдумывать приворот было бы ещё хуже. Ложное объяснение закрепило бы Галину в удобной версии и отдалило от настоящего разговора с сыном.

После ухода Галины Татьяна записала не только ответ, но и собственную ошибку: сказала «приворота нет» слишком категорично. Правильнее было бы: «я не вижу признаков и могу ошибаться». Даже честный вывод можно подать так, что человек услышит закрытую дверь вместо приглашения проверить факты.

Она встала, вышла на кухню, поставила чайник снова.

Пока закипал чайник, Татьяна открыла тетрадь на разделе о смесях. Бабушка описывала не готовые рецепты, а при-

знаки интоксикации, сроки и возможные последствия. Поля были испещрены предупреждениями: дозировка неизвестна, реакция индивидуальна, при ухудшении — к врачу.

Татьяна притормозила на одном абзаце.

В одной старой записи упоминались хмель, пустырник и дурман. Первые два могли давать сонливость и менять самочувствие; дурман был ядовит и непредсказуем. Матрёна связывала повторные малые дозы с тревогой, спутанностью и зависимым поведением, но рядом стояло жирное: «Не угадывать состав. Искать источник. Отравление лечит врач».

Она перечитала.

Александр дома становился раздражительным, вне дома — спокойнее. Татьяна годами объясняла это работой и различием темпераментов. Теперь появились другие версии, но ни одна пока не была фактом.

Дальше шли запахи, горечь, возможные способы маскировки и симптомы. Бабушка писала, чтобы распознавать опасность, а не повторять её. Татьяна воспринимала раздел как старую криминалистическую памятку, нуждающуюся в проверке современной токсикологией.

В памяти всплыло кафе три года назад. Ирина листала статью в телефоне и между делом спросила, правда ли зверобой влияет на действие лекарств и гормональный фон. Татьяна тогда объяснила про взаимодействия и фоточувствительность. Ирина выслушала очень внимательно и сразу перевела разговор.

Тогда это выглядело обычным любопытством.

Татьяна закрыла тетрадь.

Она заварила чабрец и вернулась в «приёмную». Галинин чай остывал на прежнем месте, запах полыни смешивался с паром из новой кружки.

Галина вернулась в восемь вечера.

Галина стояла без сумки, застегнув пуховик мимо одной кнопки. Лицо больше не было закрытым — только усталым, как после долгой дороги пешком.

— Я весь день думала, — сказала она.

— Входите.

За столом она сразу обхватила горячую кружку ладонями.

Вечером Галина принесла не новую фотографию и не вопрос о женщине. Она принесла фразу сына, которую раньше считала чужим влиянием. Это делало второй разговор другим: клиентка перестала просить Татьяну победить соперницу и впервые спросила, что произошло между ней и Костей.

— Он правда изменился. — На этот раз в голосе не было вопроса. — Только не из-за неё.

После первого ухода Галины Татьяна записала только её слова и собственный образ, не добавляя диагноза семье. Телефон Кости она не просила: говорить о взрослом человеке за его спиной уже было вмешательством, а дар не давал на это отдельного права.

— Да, — сказала Татьяна.

— Из-за меня, — добавила Галина и посмотрела на чай.

Татьяна выдержала молчание.

Галина сама продолжила через несколько секунд.

— Расскажи, что именно увидела. Без того, что я тебе наговорила.

— Дверь, закрытую изнутри. И облегчение. Но это образ, не запись разговора. Он совпадает с тем, что вы рассказали о его уходе.

Галина медленно кивнула.

— Прошлым летом он сказал: «Мам, я у тебя задыхаюсь». Я решила, что его уже настроили против меня. А той женщины тогда, кажется, и не было.

— Значит, это стоит спросить у него самого.

— И что теперь делать?

— Я не знаю. — Татьяна не стала смягчать. — Начать можно с вопроса, на который вы готовы услышать не свой ответ.

Галина посмотрела на неё — уже без злости.

— Ты говоришь почти как Костя.

— Возможно, он давно говорит одно и то же.

Галина сжала губы, потом выдохнула и допила чай.

— Сколько я должна?

— Ничего. Я ещё учусь и сегодня не уверена, что дала вам больше, чем внимательный разговор.

Удивление на Галином лице быстро сменилось деловитостью.

— Матрёна с первых тоже не брала, баба Зина говорила.

— Она застегнула пуховик правильно. — Я приду ещё. Не за приворотом. Если можно.

— Можно.

Галина ушла.

После ухода Татьяна записала приём в отдельную тетрадь. вопрос, источник — фотография, образ, сказанное клиентке, последующий разговор. Лишь затем погасила свет и легла на диван.

Она не могла знать, насколько верно прочитала Костю. Но не выдала догадку за факт и не подстроила ответ под просьбу Галины — это было важнее ощущения собственной правоты.

Галина принесла готовую внешнюю причину. Отказаться от неё оказалось болезненнее, чем от идеи приворота.

Татьяна знала это по себе: удобное объяснение иногда выдерживает даже очевидные противоречия.

Она думала про тетрадь. Про хмель и пустырьник. Про то, как Ирина слушала про зверобой и кивала.

При отмене некоторых веществ действительно возможны раздражительность, тревога и бессонница. Но «три-четыре недели» из бабушкиной записи не превращали прошлое Александра в доказанный диагноз.

Пока была только версия, которую следовало проверять.

Она перевернулась на бок, подтянула под щеку подушку — небольшую, твёрдую, бабушкину.

Через дорогу горело одно низкое жёлтое окно. Кто-то ещё не спал.

За один день Татьяна успела услышать отказ, злость и возвращение. Правда не победила — Галина лишь согласилась посмотреть в другую сторону.

Для первого приёма этого было достаточно.

Она закрыла глаза.

Глава 7. Скептик

Поликлиника встретила её запахом хлорки и очередью.

Очередь тянулась от регистратуры почти до входа — короче московской, но плотнее: разговоры, кашель, детский плач в дальнем углу. Татьяна пришла к девяти, нашла кабинет с табличкой «Заместитель главного врача по амбулаторной части» и задержалась перед дверью, проверяя, не дрожит ли левая рука.

Через несколько дней после возвращения в Барнаул она снова устраивалась врачом.

Она постучала и вошла.

Кадровик, невысокая деловая женщина лет пятидесяти, сразу разложила справки и заключения комиссии. Допуск был временным: короткая смена, без дежурств и тяжёлых приёмов, с еженедельным контролем невролога. Главный врач помог быстро собрать комиссию, но подписи стояли настоящие, и Татьяна проверила каждую.

— Пока полставки, бумажная работа и несложные приёмы. Через месяц комиссия посмотрит динамику. Главный вас помнит ещё девочкой — ваша бабушка его когда-то выхаживала, — но поручительство здесь ничего не заменяет. Условия поняли?

К заключению комиссии прилагался график: четыре часа в день, два коротких перерыва, запрет на ночные смены и са-

мостоятельные экстренные вызовы. Татьяна подписала ознакомление и попросила копию. Барнаул мог жить по своим привычкам, но её восстановление не должно было зависеть от чьей-то доброй памяти о бабушке.

— Да.

— Через месяц пересмотрим. — Она поставила печать. — Сейчас пройдите на планёрку, познакомьтесь с коллегами. Актный зал, второй этаж.

Татьяна взяла документы и пошла.

В актовом зале сидело около двадцати человек. Первый ряд занимали те, кому предстояло докладывать; второй — те, кто рассчитывал спокойно пережить планёрку. Татьяна выбрала крайнее место у стены.

Планёрку вёл главный врач — крупный мужчина лет шестидесяти, с манерой говорить медленно и весомо, как говорят люди, привыкшие к тому, что их слушают. Он представил Татьяну — коротко, по имени-отчеству, «терапевт, выходит на полставки» — и двинулся дальше по повестке: отчёты, показатели, проблема с очередями в рентген.

Татьяна слушала вполуха и смотрела на коллег.

Слева от главного врача мужчина лет тридцати восьми писал в блокноте. Тёмные волосы, очки в тонкой оправе, пиджак на спинке, прямая спина. Он время от времени протирали стёкла одним и тем же движением, не прерывая слушания.

Когда речь дошла до штата, он посмотрел на Татьяну

быстро и профессионально — как оценивают нового коллегу, о котором уже слышали больше, чем хотели.

— У нас теперь пополнение, — сказал главный и снова кивнул в сторону Татьяны. — Татьяна Александровна Соколова, терапевт из Москвы. Внучка Матрёны Павловны, многие её знали. Так что она у нас, можно сказать, местная.

— Внучка Матрёны-травницы, — сказал мужчина в очках.

В его негромком голосе слышалась нарочитая ленца: он знал, что реплика прозвучит грубо, и именно поэтому её произнёс.

В зале стало чуть тише.

— Значит, теперь у нас есть ведьма. Осталось заменить флюорографию гаданием, и план по профилактике выполнен.

В заднем ряду кто-то неудачно усмехнулся. Главный врач поднял глаза от бумаг.

Татьяна посмотрела на него. Он смотрел в блокнот.

— Дмитрий Сергеевич, — сказал главный.

— Это была шутка, — сказал мужчина, не слишком раскаиваясь.

Татьяна не ответила. В первый день перед всем коллективом вступать в чужую игру было бы подарком. Фамилию она запомнила с таблички в коридоре: Волков Дмитрий Сергеевич, невролог.

Планёрка закончилась через двадцать минут.

После планёрки Людмила Ивановна, немолодая быстрая медсестра, показала ей кабинет. Облупившийся подоконник, скрипучий стул, стол, кушетка и шкаф с папками — рабочее место, не хуже прежнего и пока не своё.

Людмила Ивановна принесла чистые бланки, показала, где вызывают санитарку, и сразу выкрутила из стула расшатанный винт обычной монетой. — До мастера не дождёмся, — сказала она. — А падать вам пока нельзя. Это знакомство с кабинетом понравилось Татьяне больше официально-го представления на планёрке.

— Волков язык без присмотра оставляет, — сообщила Людмила Ивановна, распахивая шкаф. — Но врач толковый. Вы на него не тратьтесь.

Первой ей передали пожилую пациентку с дневником давления. Татьяна сверила препараты, выслушала лёгкие, проверила отёки и изменила только время вечерней таблетки, согласовав это с заведующей. Обычный приём занял двадцать минут и утомил сильнее, чем она ожидала. После пациентки пришлось посидеть у открытого окна и дожидаться, пока перестанут дрожать пальцы.

— Не собиралась.

Людмила Ивановна посмотрела на неё с одобрением.

— Вот и правильно. Что-нибудь нужно?

— Пока нет. Спасибо.

После обеда они встретились в узком коридоре. Волков шёл навстречу с папкой под мышкой; разминуться, не обо-

значив знакомство, было уже неловко.

Он первым протянул руку.

— Волков.

Она пожала.

При касании вспышка ударила почти больно. Татьяна отдёргнула руку раньше, чем успела удержать реакцию.

Он заметил и перевёл взгляд с её лица на ладонь.

— Статика. Халат синтетический.

— Убедительно, — сказал Волков и прошёл дальше.

Татьяна подождала, пока коридор перестанет качаться.

Картинка была короткой: квартира с мебелью и вещами, но без ощущения присутствия. На подоконнике — рамка, женщина и девочка лет трёх смеются летним днём. Его руки держат фотографию; пальцы не дрожат, зато костяшки побелели от постоянного усилия.

В ординаторской она записала видение и через минуту вернулась к обычным делам: проверила назначение антикоагулянта пожилому пациенту, перезвонила в лабораторию, исправила неверную дату в карте. Контраст был полезен. Чужая потеря не давала права забыть о реальных пациентах за дверью.

В образе была потеря.

Давняя, встроенная в обычный день.

Татьяна дошла до ординаторской, налила себе кофе из автомата — кислый, горячий, одно название — и стала у окна.

Если девочке на снимке было три, сейчас ей могло быть

пять или шесть. Женщина смеялась открыто; образ относился к прошлому — больше Татьяна не знала.

Она записала детали в блокнот, не превращая их в биографию Волкова.

До конца смены они столкнулись ещё раз — на этот раз в ординаторской, куда Волков зашёл за какой-то папкой.

Татьяна заполняла истории болезней, когда он зашёл за папкой. Уже у двери Волков бросил в пространство:

— Подскажите потом формулировку для направления: «карты разложены, порча снята, контроль через месяц».

Татьяна не подняла голову от бумаг.

— Для первого дня репертуар бедноват.

Он обернулся. — Вы уже оценили?

— Я успела заметить, что таблетки вы назначаете без участия карт. Значит, разделение методов вам всё-таки знакомо.

Волков задержался у двери. Насмешка с его лица ушла, уступив профессиональному интересу.

— В этой поликлинике я терапевт: диплом, стаж, допуск комиссии. Дома я разговариваю только с теми, кто приходит сам, и не выдаю разговор за лечение. Критикуйте мои назначения, когда увидите назначения.

После разговора Волков открыл карту одной из пациенток и указал на несовместимость двух препаратов. Татьяна проверила — он был прав, один рецепт оставался от прежнего врача. Она исправила назначение и поблагодарила без внутреннего сопротивления. Профессиональный спор сразу стал

менее личным.

Он снял очки, протёр одно стекло и снова надел.

— Хорошо. Пока меня удивляет только соседство двух занятий.

— Соседство не требует вашего согласия.

Он коротко кивнул и закрыл дверь без прежней театральности.

Татьяна вернулась к историям болезней.

Радио у регистратуры обещало снег и минус восемнадцать. В коридоре спорили из-за талона, скрипел её стул, в папке оставалось ещё четыре карты.

Она дочитала страницу. Перевернула.

Домой Татьяна пошла пешком. К вечеру мороз окреп, левая нога начала цеплять снег, и последние двести метров она считала шаги, как на занятии с Максимом Олеговичем. Полставки оказались правильной мерой.

По дороге домой она остановилась у аптеки, купила эластичный бинт и новую папку для медицинских документов. Очередь у кассы раздражала сильнее, чем утром: усталость делала звуки резкими. Татьяна вышла, постояла на морозе и только потом продолжила путь, не позволяя себе ускоряться из упрямства.

О Волкове она старалась не думать.

Возвращался не он, а изображение пустой квартиры и рамки на подоконнике.

Жена и дочь — только вероятная догадка. Настоящим бы-

ло другое: фотографию брали в руки часто, а потеря оставалась рядом с человеком, который шутил перед коллективом.

Движение с очками теперь читалось иначе. Возможно, оно ничего не значило. Возможно, давало рукам привычную работу в моменты, когда лицо нельзя было выдать.

Татьяна тоже перекладывала банки, когда не знала, куда деть напряжение.

Это не оправдывало Волкова и не делало его приятнее. Лишь мешало свести его к одной грубой реплике.

Для коллеги этого понимания хватало.

Людам не обязательно нравиться друг другу, чтобы точно видеть боль и соблюдать границы.

Татьяна завернула за угол — дом был уже виден, огонёк у бабы Зины горел, значит, та уже здесь или собирается.

Работать здесь было можно. Скрипящий стул требовал отвёртки, запись — внимательного взгляда, а очередь — терпения. Это были знакомые задачи.

В блокноте появились задачи на завтра: узнать систему записи, попросить подставку под ноги, сверить аптечку, договориться о месте для короткого отдыха. Ни одна не касалась Волкова. Именно так Татьяна предпочитала осваивать новое место — через предметы и порядок, а не через впечатление о людях.

С Волковым можно было держать профессиональную дистанцию.

В конце смены Людмила Ивановна принесла отвёртку и

вместе с Татьяной подтянула винт скрипящего стула. — У нас тут всё лечится либо таблеткой, либо отвёрткой, — сказала она. Татьяна придерживала спинку, и эта маленькая совместная работа неожиданно сделала кабинет своим.

Она открыла калитку.

На дорожке не было чужих следов. После первого рабочего дня отсутствие посетителей оказалось подарком.

До следующего стука дом оставался только домом.

Вечером Татьяна открыла тетрадь и снова вспомнила пустую квартиру.

Собственная московская квартира тоже была обставлена, наполнена книгами и привычками. Только теперь Татьяна понимала: вещи ещё не создают место, где человек присутствует в своей жизни.

У бабушки нашлась строка: «Пустота — не когда нет мебели или людей. Пустота — когда человек в доме хранится до лучших времён».

Татьяна провела карандашом по полю рядом, не подчёркивая слова.

За окном лежал ровный снег. В печи оседали угли, в стене сухо щёлкнуло бревно.

Здесь она не хранилась.

Пока её жизнь была маленькой: полдня работы, таблетки по часам, несколько прочитанных страниц. Но каждый пункт происходил с ней, а не вместо неё.

Татьяна закрыла тетрадь на этой мысли.

Перед сном она поставила будильник и оставила на стуле форму для завтрашней смены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.